

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. М., 2002.
2. Бранский В.П. Искусство и философия: Роль философии в формировании и восприятии художественного произведения на примере истории и живописи. Калининград, 1999.
3. Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистика текста. М., 1978. С. 402-421.
4. Воронина Г.Н. Языковые средства выражения фактуры (на материале поэтических текстов М.И. Цветаевой): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2000.
5. Гончаров И.А. Собрание сочинений: В 8 т. М., 1954-1955.
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М., 1995.
7. Тардье. Скука. Психологическое исследование. СПб., 1907.
8. Штайн К.Э. Метапоэтика А.С.Пушкина // Три века русской метапоэтики: Легитимация дискурса. Антология: В 4-х т. Том 1. Ставрополь, 2002. С. 617-626.
9. Штайн К.Э. Метапоэтика: "Размытая" парадигма // Три века русской метапоэтики: Легитимация дискурса. Т.1. Ставрополь, 2002.

Н.В. Дорофеева

Кубанский технологический университет

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ КОНЦЕПТЫ

В ПРАВОСЛАВНОМ ДИСКУРСЕ: УДИВЛЕНИЕ

С точки зрения лингвистической концептологии, дискурс рассматривается, с одной стороны, как текст в ситуации реального общения [9: 285], а с другой – как совокупность апелляций к определенным концептам [18: 41], в том числе и эмоциональным.

При означивании эмоций в сознании они приобретают определенное содержание, репрезентируясь в эмоциональных представлениях или когнитивных образах, в состав которых входят экстероцептивные и интероцептивные компоненты, сигнализирующие субъекту об изменениях во внутреннем мире с точки зрения

личностной значимости явлений окружающей действительности [6: 148, 161]. На базе таких перцептивных образов формируются эмоциональные понятия, обобщающие наиболее существенные признаки переживаемых психических процессов [20: 14]. При соотношении с ценностными доминантами конкретной культуры сформированные эмоциональные понятия трансформируются в эмоциональные концепты [10: 67 – 68], получающие языковое обозначение.

Эмоциональный концепт представляет собой ментальную единицу высокой степени абстракции, выполняющую функцию метапсихической регуляции на основе знаковой репрезентации, которая обеспечивает “социально выработанную организацию информации в виде системы взаимосвязанных... значений” [16: 55] и тем самым отражает в языковом сознании многовековой опыт интроспекции этноса посредством универсальных и культурноспецифических представлений об эмоциональных переживаниях.

К числу крупных эмоциональных концептов можно с большой долей уверенности отнести “удивление”, о чем свидетельствует рассмотрение данной эмоции в психологии в качестве базовой [7: 64].

В силу своей фундаментальности, концепт “удивление” объективируется в различных сферах бытования, соответствующих как лично-ориентированным (бытовому, бытийному), так и институциональным (научному, педагогическому, религиозному) типам дискурса [9: 279 – 363].

Проведенное ранее исследование объективации данного концепта в научно-философском дискурсе (работах Платона, Аристотеля, Ф.Бэкона, Н.Кузанского, Р.Декарта, Т.Гоббса, Э.Б.Кондильяка, И. Канта, В.Г.Гегеля, А.Шопенгауэра, М.Хайдеггера, Э.Шредингера, П.Флоренского, М.М.Мамардашвили, С.Л.Катречко, П.Я.Якобсона, А.Н.Лука, И.А.Васильева, К.Изарда, В.С.Таранова и др.) [5] позволило выделить ряд его следующих конститутивных признаков: а) основополагающая роль в процессе познания; б) наличие различных степеней интензивности; в) неопределенность и кратковременность; г) склонность человека к положительной оценке удивле-

ния при его общем нейтральном характере; д) участие в процессе адаптации нервной системы к новой ситуации; е) возможность использоваться в качестве средства манипулятивного воздействия.

Данное описание рассматриваемого концепта выглядело бы неполным без отражения в нем соотношения удивления с высшими духовными ценностями, одной из сфер сосредоточения которых выступает Вера в Бога, являющаяся в свою очередь, ключевым концептом религиозного дискурса [9: 323].

Исходя из общепринятого определения религии (см. [2: 3 – 4]), цель соответствующего дискурса видится в воссоединении субъекта Веры с центральным суперагентом – Всевышним, понимание сущности которого варьируется в каждом конкретном типе фидеистического сознания.

Православный дискурс как особая разновидность религиозного дискурса основан на Божественном Откровении, согласно которому Создатель – “един по Существу и троичен в Лицах, являет Собой Единосущную Троицу, имеющую три ...Ипостаси... – Бога Отца, Бога Сына и Бога Святого Духа” [2: 13].

Используя социолингвистическую дискурсную типологию [9: 299 – 330; 346 – 363], в православном дискурсе можно выделить два типа: институциональный и бытийный, т. е. лично-ориентированный.

К сфере функционирования православного дискурса институционального типа относятся основополагающие тексты Священного Писания (Библия), Священного Предания (толкования Божественного Откровения Отцами Церкви), направленные на приобщение человека к Вере, а также разнообразные молитвы, в которых субъект непосредственно обращается к религиозным суперагентам с целью прошения или благодарения.

Православный дискурс лично-ориентированного типа включает в себя такие разновидности, как православно-бытовой (разговорный), православно-бытийный, в свою очередь распадающийся на православно-поэтический (духовная поэзия) и православно-обыденный. Последний представляет собой описа-

ния личного религиозного опыта разных людей, в которых предпринимается попытка раскрытия внутреннего мира субъекта Веры, воспринимаемой как чувство живого Бога.

Как показывает наблюдение, в различных разновидностях православного дискурса удивление часто выступает катализатором и одной из составляющих религиозного чувства: *“Он тотчас встал и, взяв в постель, вышел пред всеми, так что все изумлялись и прославляли Бога...”* [Марка: 2, 12]. *“Когда же тот еще шел, бес поверг его и стал бить; но Иисус запретил нечистому духу, и исцелил отрока, и отдал его отцу его. И все удивлялись величию Божию”* [Луки: 9, 42 – 43]. *“... Всеблаженне Георгие, слыши тепное веры твоея моление, вскоре повеле по слову твоему воскреснути мертвому, прославления ради имени Своего и верных утверждения, неверным же и ослепленным на удивление и богопознание”* [1: 204]. *“Святая невесто Христова, многострадальная мученица Параскева... Ты, десницею Ангела Божия от неисцелимых ран дивно исцеленная и воспрियाвшая неизреченную светлость, изумила еси неверных мучителей... и мног народ привела еси к познанию истинного Бога”* (11: 295 – 296). *“Однажды зимой я кутил до самозабвения. В это время я увидел вдалеке светлую точку наподобие звезды. Такое странное видение удивило меня. Сначала я думал, что это игра воображения.. Это натолкнуло меня на размышления и догадки... Все мое внимание сосредоточилось на видимой мною светлой точке, которая умственным внушением убеждала меня в бытии Бога... и советовала... обратиться к покаянию”* [3: 97].

Контексты, в которых реализуется концепт “удивление”, показывают также его частое взаимодействие с концептом “любовь”.

Так, в Новом Завете удивление выступает прежде всего как средство познания Всемогущества Бога Отца и Его Любви к Богочеловеку – Иисусу Христу: *“Ибо Отец любит Сына и показывает все, что творит Сам; и покажет Ему дела... , так что вы удивитесь”* [Иоанна: 5, 20].

Кроме того, безграничная Любовь Бога к человеку часто

выступаст в качестве каузатора удивления клиента православного дискурса: *“О Владыко Господи, Иисусе Христе, кто не удивится Твоему человеколюбию...”* [8: 17]. *“Когда душа Духом Святым познает Господа, то каждую минуту непрестанно удивляется она милосердию Божию...”* [14: 386]. *“Я падала сквозь белый туман... и мне было безмятежно, хорошо и покойно... Блаженство, которое я ощутила., невозможно выразить, так как ничего хоть сколько-то похожего в моей жизни я не испытывала... Все вокруг наполняло состояние бесконечной и безграничной любви ко мне и окружающему меня. Это была всеобъемлющая любовь, исходящая от НЕГО... Казалось, Любовь и более ничего...”* [17: 92 – 93].

Примечательно, что субъект православной Веры часто просит у Господа Милости, которую он ощущает себя способным познать исключительно через удивление: *“... Боже .. Удиви милости Твоя, спасаяй уповающие на Тя...”* [Пс. 16]. *“Но на мне грешнем удиви милость Твою...”* [12: 37].

Будучи связаны каузативными отношениями, концепты “любовь” и “удивление” часто определяют основу религиозного чувства, направленного на суперагентов рассматриваемого типа дискурса: *“... Иисусе пречудный, Ангелов удивление... Иисусе прелюбимый, пророков исполнение; Иисусе предивный, мучеников крепосте”* [12: 83 – 84]. *“Сего ради со удивлением и любовию тебе зываем: Радуйся, яко, еще младенец сый, царя Ирода устрасил еси...”* [1: 148]. *“И ныне плоды сеяния насыщаеши вся, яже со удивлением и любовию зывают к тебе: Радуйся, на престоля первосвятительский Промыслом Божиим возшедый...”* [1: 281]. *“Таковому явлению твоему чудящися, с любовию вопием ти: Радуйся, боговенчаных глав неусыпный охранителю”* [1: 335].

Важно отметить, что любовь православного верующего распространяется не только на Всевышнего, но и на его творения, поскольку *“всякий опыт любви – это жизнь в другом и другими”* [13: 32]. При опущении такой любви в своем сердце, способной *“открывать в другом... таинственный и глубокий внутренний мир”* [13: 78], субъект Веры также испытываст глубокое

удивление и тем самым обогащает свой личный опыт религиозной интроспекции: *“После возвращения на землю мир воспринимался мною совсем по-иному... Было удивительно глубокое чувство любви ко всему живому – природе, растениям – и удивительное чувство наслаждения каждым мигом земного бытия. За все Господу нашему слава и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь”* [17: 100]. *“Никогда после сна он не чувствовал себя настолько свежим, выспавшимся, замечательно бодрым и полным интереса ко всему. В том и состояла его удивительная перемена, что он все любил теперь, что он преисполнен был радостной любви ко всему, что видел. В том-то именно и состояла его прежняя болезнь, что он никогда и ничего не мог любить... Снова и снова он удивлялся происшедшей с ним перемене. Что же в нем умерло? Что в нем так давно жаждало смерти? Уж не то ли самое гордое “я”, которое он хотел убить в себе в годы подвижничества...”* [13: 8 – 9].

Таким образом, в православном дискурсе Любовь выступает как “способ деяния и самовыражения Бога” [19: 33], а удивление служит средством Его познания и приобщения к Верс. Это указывает на совместную интеракцию соответствующих ментальных категорий, связанных каузативными отношениями, что позволяет рассматривать “удивление” в качестве авторитетного концепта русского религиозного сознания.

Литература

1. Акафистник. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 1997.
2. Алексеев Г. Истинность религии. М.: Русский вестник, 1997.
3. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Российское Библейское Общество, 2001
4. Дивны дела Твои, Господи. М.: Изд-во им. святителя Игнатия Ставропольского, 2001
5. Дорофеева Н.В. Удивление как эмоциональный концепт (на материале русского и английского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2002.
6. Дорфман Л.Я. Эмоции в искусстве. М.: Смысл, 1997.
7. Изард К.Э. Психология эмоций. СПб.: “Питер”, 2000.
8. Канон Преподобному Паисию Великому. Краснодар: Ин-т им

К.В. Россинского, 2000.

9. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.

10. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград: Перемена, 2001.

11. Молитвенный шит православного христианства Воронеж: НПО "МОДЭК": 2000.

12. Молитвослов. Калуга: Синтагма, 1997.

13. Отец Александр (Коняк). Любовь земная и небесная. Богословские очерки. М.: Ивтер-Весы, 1996.

14. Писания старца Силуана // Ахимандрит Софроний. Старец Силуан. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2000. С. 367 – 639.

15. Псалтырь с поминовением живых и усопших. М.: Трифонов Печенгский монастырь, "Ковчег", "Новая книга", 2002.

16. Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций. М: Прогресс, 1979.

17. Седова Н. Встреча с Господом // Победа над последним врагом. М.: Изд-во Московск. подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2000. С.88 – 109.

18. Слышкин Г.Г. Дискурс и концепт // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. трудов. Волгоград: Перемена, 2000. С. 38 – 45.

19. Сухарев В.А., Сухарев М.В. Европейцы и американцы глазами психолога. Мн.: "Беларусь", 2000.

20. Шаховский В.И. Эмоции и их концептуализация в различных лингвокультурных контекстах // Русистика. Вып. 1. Киев, 2001. С. 13 – 19.